

DOI: 10.12731/2218-7405-2013-10-10

УДК 81

**ИНДЕКС ИНВЕКТИВНОСТИ: НА СТЫКЕ ЛИНГВИСТИКИ И ПРАВА
(НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
ЗООМЕТАФОР-ИНВЕКТИВ «ПОДЛОСТЬ»)**

Маслов А.С.

В статье представлено теоретическое обоснование возможности использования результатов лингвистического эксперимента по определению индекса инвективности зоометафор-инвектив в юрислингвистической практике. Также приведены результаты подобного лингвистического эксперимента и выявлены основные закономерности, связанные с различием значений индекса у представителей разных социальных групп. При этом рассматриваются юридические, лингвистические и социальные аспекты бытования инвективной лексики на примере зоометафор, исходя из чего представленное исследование может быть отнесено к разряду междисциплинарных.

Ключевые слова: метафора, зоологическая метафора (зоометафора), инвектива, оскорбление, индекс инвективности, инвективный потенциал, инвективные семы.

**THE INDEX OF INVECTIVE: BETWEEN LINGUISTICS AND LAW
(BASED ON THE LEXICAL-SEMANTIC GROUP OF ZOOLOGICAL
METAPHOR «VILLAINY»)**

Maslov A.S.

The paper presents a theoretical basis of the possibility of using the results of the linguistic experiment to determine the index of invective zoometaphor- invective in law linguistics. Also, the results of such a linguistic experiment are presented and the main features associated with the difference in the index values of different social groups are identified. It affected the legal, linguistic and social aspects of existence invective lexicon for example zoometaphors therefore presented study can be classified as interdisciplinary.

Keywords: metaphor, zoological metaphor (zoometaphor), invective, insult, the index of invective, injective potential, the seme of invective.

Лингвистика как отрасль научного знания постоянно развивается, и сейчас уже наряду с собственно лингвистическими объектами исследования (слово как единица языка и речи, проблема возникновения языка, особенности морфологического строения слова и пр.) появляются новые, которые занимают промежуточное положение, одновременно выступая объектом исследования двух различных научных дисциплин. Так, в частности, обстоит дело с инвективами. В исследовательской литературе встречаем узкое и широкое понимание этого термина. При узком рассмотрении *инвектива* выступает только как вид оскорбления, при широком – это не только оскорбление, но и акты вербальной агрессии (например, угроза), употребление обценной лексики, сплетни, клевета, заведомо лживые сведения и пр.

Исследователь Б.Я. Шарифуллин, рассуждая об особенностях рассмотрения инвектив в лингвистике и юриспруденции и их статусе,

обращается к истокам инвективной функции языка и называет её орудийной («оружейной») функцией [7, с. 93]. Он отмечает, что она не связана «ни с потребностями общения, ни с необходимостью познания мира, а отражает, в сущности, примитивные (первобытные) представления о связи слова и вещи, слова и действия – но в иной, перевернутой, перверсийной ипостаси. Если Я (охотник) наношу удары по виртуальному (нарисованному и т.п.) зверю (врагу), то в МОЕЙ реальности это событие так и произойдёт» [7, с. 93].

В предлагаемом исследовании мы обращаемся к инвективной лексике, точнее, к одному из её разрядов – зоометафорам-инвективам. Зоонимы во вторичной номинации (зоологические метафоры, зоометафоры) – это одна из объёмных лексико-семантических групп, в основе которой лежит «переоценка» представлений о каком-либо известном явлении. Так, например, используя номинации *попугай*, *осёл* и *лев*, субъект речи «переоценивает» нормативную оценку лица, которую создают соответствующие прилагательные *болтливый*, *глупый*, *сильный*, добавляя к ней образно-ассоциативное представление об эталоне болтливости, глупости, силы и концентрируя все эти различные смыслы в одной лексеме. Об истоках традиции использования зооморфных метафор говорит А.П. Чудинов. Он отмечает, что использование зооморфных метафор в речи продолжает живущую в народном сознании мифологическую, фольклорную и литературную традиции, в которых свойства определённых животных выступают как вариант мифологического кода: *заяц* – трусливый, *свинья* – грязная, *телёнок* – глупый и др. [6]. Что же касается современного восприятия зоометафорических номинаций, то основная функция этого пласта лексики абсолютно точно обозначена Г.Н. Складневской: «наименования-характеристики направлены на дискредитацию, резкое снижение предмета и обладают яркой пейоративной окраской» [5, с. 91]. Таким образом, мы выходим на смежный характер исследования: зоометафоры-инвективы – это, с одной стороны, сугубо лингвистическое явление (как любая другая лексико-семантическая группа), а с другой – это субъект юридической

сферы – как одно из средств оскорбления. Отсюда следует, что зоометафоры как языковой объект подчиняются одним законам (во многом стихийным), а как объект права – другим – правовым нормам. О необходимости введения правовых механизмов, которые опирались бы и на стихийные закономерности естественного языка, и на сложившуюся систему правовых норм, пишет в своей работе «Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема» Н.Д. Голев [3]. В конечном итоге лингвисту-эксперту приходится соотносить конфликтную коммуникативную ситуацию с системой юридических норм и формулировать заключение о ней в соответствии с юридическим языком. Но это только вершина айсберга: проблема – не только в соотношении языкового и юридического, но и в восприятии факта оскорбления как такового двумя субъектами: оскорбляющим и оскорблённым. Здесь перед нами краеугольный камень – лингвистика и нормы права снова сталкиваются: с одной стороны, чтобы доказать факт оскорбления, необходимо доказать наличие умысла у субъекта речи и инвективный характер используемой лексемы или выражения, но с другой – использование им определённых языковых средств не всегда отражает его инвективную интенцию, так как на его шкале инвективности, обидности деления расположены по-другому, и точки отчёта отличны [3]. В попытке разрешить эту дилемму мы снова обращаемся к работе Н.Д. Голева и находим там методическое обоснование, как можно определить значение индекса инвективности (читай – степени оскорбления) у исследуемой группы лексики. Рассуждая об основной цели составления нормативного юрислингвистического словаря инвективных слов и выражений (отразить результаты описания инвективного функционирования слов в узусе), он спрашивает: «Существует ли в социуме достаточная устойчивая по силе и качеству (стереотипная) реакция на те или иные инвективные слова, которую можно квалифицировать как некую норму (индекс инвективности слова) и на которую можно опираться в юрислингвистической экспертизе?» [3]. Отвечая на него положительно, мы предполагаем, что возможна методика, которая

позволит определить этот индекс. Здесь нам способны помочь методы интроспекции, социологических опросов, лингвистических экспериментов, компонентного анализа, изучения фразеологического фонда и стандартных метафор и др. «Все эти методы показывают, что в сознании говорящих слова взаимосвязаны по-разному и что можно установить, КАК именно они взаимосвязаны» [1, с. 243]. О целесообразности использования метода лингвистического эксперимента говорит и Н.Д. Голев, который после проведения подобного эксперимента делает соответствующий вывод: «Эксперимент, отвечая на главный вопрос о наличии тенденции инвективных слов к устойчивости на шкале степеней инвективности, одновременно говорит об относительном характере этой тенденции, о наличии противоположных, центробежных тенденций [3].

В своём исследовании мы взяли за основу предложенную Н.Д. Голевым анкету по определению индекса инвективности, несколько видоизменив её (включив несколько дополнительных вопросов, связанных с социальным статусом респондентов, разделив зоометафоры по лексико-семантическим группам и пр.), и после проведения соответствующего исследования представили конечные результаты в виде среднего арифметического по каждой группе, оказавшейся в поле нашего исследовательского интереса. Стоит отметить, что мы предпочли уйти от однозначного толкования каждой зоологической метафоры (а следовательно, от однозначной закреплённости одного индекса инвективности для данной лексемы). Причиной к этому стала присущая зоометафорам многозначность: в различных коммуникативных ситуациях актуализируются различные инвективные семы. Данную проблему мы решаем, распределив зоологические метафоры-инвективы по лексико-семантическим группам.

Ниже мы приводим пример комплексного анализа отдельных лексико-семантических групп, нашедшего применение в нашем диссертационном исследовании. Основная цель в данном случае – показать специфику индекса

инвективности как способа количественной оценки инвективного потенциала зоологической метафоры, а также определить основные социологические параметры, от которых зависит значение этого показателя.

Рассмотрим лексико-семантическую группу зоометафор-инвектив с общим значением «подлость». В состав этой группы мы включили 16 лексем: *уж, угорь, анаконда, змея, кобра, подсадная утка, гиена, гад, гадюка, гадина, шакал, свинья, крыса, скотина, крысятничество, тварь*. Сему 'подлость' легко можно выделить при компонентном анализе представленных лексем. Степень выраженности этого признака также во многом определяется тем, какая именно зоометафора используется говорящим: подлость, которая «присуща» «человеку-ужу» – это, скорее, мелкая пакость, сродни хитрости, в то время как подлость «человека-твари» – это уже негативное действие большего масштаба. Если говорить о полевой структуре анализируемой лексико-семантической группы, то её ядерную часть составят слова с наиболее выраженным признаком, а периферию – с наименее проявленным. Чтобы проверить, насколько сема 'подлость' присутствует в сознании респондентов (116 человек), мы предложили им самим определить главное слово или сочетание слов, которые могли бы стать именованием (определяющим словом) для этой группы. Отметим, что у половины опрошенных подобное задание вызвало определённые затруднения: из 116 участников эксперимента варианты ответа представили только 55 человек (47%). На наш взгляд, это объясняется отмеченным выше явлением многозначности зоометафор-инвектив. Включение дополнительных лексем в эти группы (не из группы зоометафор) могло бы облегчить задачу, но нам было важно выявить, насколько осознаются негативные коннотации, присущие именно зоометафорам, поэтому мы использовали в эксперименте только анализируемые слова-стимулы. Что же касается слов-реакций, приведённых опрошенными, то здесь было выявлено следующее:

1. *Корыстный, плохой, неприятный, злой, лживый, мерзкий, «ни о чём» (человек) и пр.* - 24% респондентов;
2. *Хитроумный, хитрый и под.* – 15% респондентов;
3. *Предатель, предательство, «человек-подстава»* – 15% респондентов;
4. *Крыса и крысятничество* – 13% респондентов;
5. *Подлый, подлость, сделавший подлость (накость)* – 11% респондентов.

Эта «пятерка» говорит о том, что представление об этой лексико-семантической группе в бытовом сознании совпадает с данными, зафиксированными в словарях (см. ниже). Но, кроме того, на основании полученных результатов можно сделать вывод о том, что ассоциативное поле лексемы *подлость* расширяется и дополняется реакциями, связанными с общечеловеческим представлением о должном поведении (*предательство, крысятничество, корысть, ложь* и пр. – это плохо, подло, мерзко).

Среди других реакций можно отметить: *нечестный, стукач, тварь, скотина, подлюка, проныра, «подступная женщина»* и др. Интересными, на наш взгляд, представляются также реакции, ассоциативно связанные с конкретными персоналиями (*тёща* (3%) и *чиновник* (2%)), и прямые номинации (*животные* (3%), *живность* (2%), *зоопарк* (2%)). Это свидетельствует о том, что, несмотря на высокую частотность зоометафор, некоторым носителям языка представляется проблематичным определить в конкретной ситуации их переносное (метафорическое, инвективное) значение; для других же, наоборот, это типичные инвективные номинации, которые характеризуют уже не человека, обладающего определенным качеством, как такового, отвлечённо, а конкретных людей из окружения респондента или представителей отдельного класса в его трактовке респондентом: *тёща, чиновник*. Наличие сопоставимого представления о зоометафорах-инвективах, именующих подлого человека, в обыденном сознании говорящих и зафиксированное в текстах словарных статей, позволяет сделать закономерный вывод о возможности «размещения»

подобных лексем на единой шкале инвективности. О результатах подобного сравнения и сопоставления пойдёт речь далее.

Рассмотрим полученные в ходе исследования значения индекса инвективности в нескольких аспектах: гендерном, возрастном, социальном и географическом.

Значения индекса инвективности в гендерном аспекте представлены в сводной таблице 1.

Таблица 1

Лексемы	Значение индекса инвективности у респондентов-мужчин	Значение индекса инвективности у респондентов-женщин	Среднее (эталонное) значение индекса инвективности
уж	3,24	3,679012346	3,575471698
угорь	3,64	4,654321	4,439252
анаконда	4,8	4,85	4,80188679
змея	5	5,73417722	5,55238095
кобра	4,791667	5,75	5,552381
подсадная утка	4,739130435	6,197530864	5,838095238
гиена	5,5	6,189873	6,096154
гад	5,8	6,8	6,528302
гадюка	6,32	7,17284	6,990654
гадина	6,833333	7,171053	7,059406
шакал	8,09090909	7,31168831	7,48484848
свинья	7,2	7,740741	7,598131
крыса	8,08	8,037037037	8,009345794
скотина	7,88	9	8,75728155
крысятничество	8,217391304	9,648648649	9,357142857
тварь	8,92	10,7721519	10,32380952

Самыми обидными, по мнению опрошенных мужчин-респондентов, являются следующие пять лексем (здесь и далее слова расположены в порядке увеличения индекса инвективности): *скотина*, *крыса*, *шакал*, *крысятничество*, *тварь*. У женщин «пятерка» оказалась по своему составу такой же. Единственное отличие состоит в том, что здесь несколько отличны позиции

некоторых лексем: *шакал, крыса, скотина, крысятничество, тварь*. Наименее обидными для мужчин стали зоометафоры: *уж, угорь, подсадная утка, кобра, анаконда*. У респондентов-женщин наблюдаем несколько иной состав лексем: *уж, угорь, анаконда, кобра, змея*. Как видим, представителей пресмыкающихся женщины считают в лексико-семантическом поле «подлость» наименее оскорбительными. Что же касается среднего показателя индекса, который мы предлагаем в качестве эталонного для данного исследования, то дело здесь обстоит таким образом: наименьший индекс инвективности наблюдается у пяти следующих слов: *уж, угорь, анаконда, змея, кобра*. Как видим, это слова, которые выявлены при анализе индекса инвективности в группе респондентов-женщин, однако имеется некоторое отличие: значения индекса у двух слов оказались иными, что и послужило причиной изменения последовательности слов в этом перечне. «Лидеры инвективности» в данной группе – это зоометафоры *свинья, крыса, скотина, крысятничество, тварь*. Присутствующая и в «мужском», и в «женском» списке лексема *шакал* оказалась только на шестом месте, а зоометафора *свинья*, наоборот, вошла в число наиболее оскорбительных по результатам среднего (эталонного) значения индекса.

В следующей таблице мы привели словарные статьи, представленные в толковых словарях различного типа и иллюстрирующие предписываемое значение (то, которое закреплено в словаре, но необязательно в бытовом сознании носителей языка) «лидеров инвективности» в этой лексико-семантической группе.

Таблица 2

Лексема	«Словарь русского языка» (Малый академический словарь, МАС) I	«Толковый словарь русского языка» под ред. С.И. Ожегова II	«Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова III	«Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона» под ред. Х. Вальтера, В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной IV	«Толковый словарь русского сленга» под ред. В.С. Елистратова V
свинья	<i>Разг.</i> О грязном, неопрятном человеке, неряхе. О человеке с низменными наклонностями, невежественном, некультурном. <i>Разг.</i> О человеке, поступающем грубо, неблагодарно и низко	<i>перен.</i> О том, кто поступает низко, подло, а также (<i>грубо</i>) о грязном человеке, неряхе (<i>разг.</i>)	<i>перен.</i> Грязный, неопрятный человек, неряха (<i>разг. презрит.</i>). <i>перен.</i> О человеке, незаслуженно сделавшем неприятность кому-н., грубом, неблагодарном (<i>разг. бран.</i>).	-	-
крыса	с определение м. <i>Разг. пренебр.</i> О человеке, род занятий которого расценивается как что-то мелкое, ничтожное.	<i>перен.:</i> о тех, кто бросает общее дело в трудный, опасный момент; (<i>неод.</i>).	<i>перен.</i> О мелком, ничтожном, приниженом службой чиновнике, солдате (<i>презрит. устар.</i>).	Шк. 1. <i>Презр.</i> Завуч; 2. <i>Презр.</i> Мастер производстве нного обучения в профтехучилище; 3. <i>Презр.</i> Учитель, не пользующийся уважением	нехороший, неприятный человек (часто о злой женщине); то же, что и крысятник; <i>иронич.</i> красивая девушка.

скотина	<i>Прост. презр.</i> То же, что скот (во 2 знач.): Скот - <i>Прост. презр.</i> грубом, низком, подлом человеке	<i>перен., муж. и жен.</i> Грубый, подлый человек (прост. бран.).	<i>Бранное слово</i> , то же, что скот во 2 знач. <i>(простореч. вульг.)</i> .	-	-
крысятничество	-	-	-	Крысятнича ^т ь – несов., неодобр. Шк. Не давать списывать выполненное задание	Крысить – бежать, двигаться, направляться. Крысятник – мелкий вор; вор ворующий у своих (уг.)
тварь	<i>Прост.</i> О подлом, мерзком человеке.	Недостойный, подлый человек <i>(прост. презр.)</i> .	Презрительн ^о или бранное обозначение человека <i>(разг. фам., вульг.)</i>	-	-

В целом, полный перечень анализируемых слов в переносном значении не фиксируются ни в одном из проанализированных словарей. Так, в толковых словарях русского языка, включая четырехтомный «Словарь русского языка» (МАС), нет дефиниции субстантива *крысятничество*. Данная лексема не обнаружена нами и в двух других словарях, но имеется производящий глагол *крысятничать* и другое производное существительное – *крысятник* (значение глагола *крысить* – бежать, двигаться – не соотносится с существительными *крысятничество*). С другой стороны, в специальных словарях жаргона и сленга отсутствуют словарные статьи, которые представляли бы переносные значения лексем *тварь*, *скотина*, *свинья*. Следовательно, дополнительного значения в социолектах у этих зоологических метафор не отмечено составителями, а по

факту является отражением неполноты данных в лексикографических источниках.

Рассмотрим представленные в словарях дефиниции анализируемых лексем. В значении существительного *свинья* можно выделить следующие семы, реализованные в двух переносных значениях этого слова: 'грязный', 'неопрятный', 'неряха', 'неблагодарный', 'грубый', 'подлый'. В данном исследовании нас интересуют последние три, так как прочие – не соотносимы с общим значением рассматриваемой лексико-семантической группы. Сравнивая эти данные с описательными характеристиками (которые фиксируются бытовым сознанием носителей языка), полученными от респондентов, можем полагать, что для рядовых носителей языка обозначенное семантическое поле представленных зоометафор оказывается более обширным: сюда также входят семы 'предатель', 'хитрый', 'сделавший пакость', 'подстава', 'мерзкий', 'злой' и др.

Данные по оставшимся лексемам приведены в таблице 3.

Таблица 3

Лексема	Семы, зафиксированные в словарях	Семы, отмечаемые в реакциях респондентов
крыса	'мелкий', 'ничтожный', 'чиновник', 'солдат', 'бросить в трудный момент', 'завуч', 'учитель', 'не уважать', 'неприятный', 'злой', 'неприятный', 'красивая', 'девушка', 'человек'	'нечестность', 'подлость', 'совершить донос', 'подобный крысе', 'подобный твари', 'хитрость', 'предательство', 'злой', 'корыстный', 'плохой', 'неприятный', 'лживый'
скотина	'грубый', 'подлый', 'низкий', 'человек'	'хитрый', 'человек', 'себе на уме', 'мерзкий', 'ни о чём', 'тёща', 'чиновник', 'бывшая', 'обманщик', 'подлюка', 'проныра'
крысятничество	'вор', 'мелкий', 'красть у своих', 'не давать списывать'	'крысятничество', 'тварь', 'предатель', 'припадочный' и др.
тварь	'подлый', 'мерзкий', 'человек', 'недостойный'	

Как видим, в целом сохраняется тенденция к расширению семантических полей, при этом стоит отметить, что словари социолектов фиксируют дополнительные значения, которые нами в ходе эксперимента не были

выявлены, несмотря на то, что респондентами в своём большинстве были студенты и школьники как основные носители сленга.

Также следует подчеркнуть наличие единственного «положительного» значения, которое зафиксировано в словаре сленга: *крыса* – *ирон.* красивая девушка. В ответах респондентов подобных реакций мы не обнаружили и полагаем, что подобное словоупотребление явно имеет ограниченную сферу и в повседневной речи практически не встречается. Также примечательна лексема *крысятничество* – мы включили её в исследование, так как она является производной от лексемы *крыса*, входящей в анализируемую группу слов и имеющую в своём семном составе ту же сему 'подлость', что и прочие элементы ряда. Использование именно субстантивной, а не глагольной формы обусловлено единообразием слов-реакций. Что же касается дефиниции, то здесь современные словари пока ещё не фиксируют экспериментально установленного нами значения у этого существительного. Только в словаре синонимов находим два синонимичных существительных, которые проливают свет на инвективное значение лексемы: *воровство*, *жлобство*, а в словаре воровского жаргона мы находим уже отмеченное в таблице значение: *крысятничать* – красть у своих, утаивать часть или всю добычу. Из этого следует, что процесс кражи «у своих» – это и есть подлость в одном из её крайних проявлений: можно воровать «не у своих», и за это в своём (воровском) коллективе получать высокую оценку, а вот кража у своих – это то, что оценивается в высшей степени негативно. Из речи маргинальной группы это слово вошло в бытовую лингвокультуру и стало для многих одним из главных слов-реакций на стимул «подлость», поэтому лексемы *крыса* и *крысятничество* достаточно частотны в качестве реакции респондентов на стимулы этой лексико-семантической группы. В этом же причина высокого индекса инвективности, который характеризует эти лексемы.

Разберёмся теперь с пометами, которые сопровождают рассматриваемые лексемы в словарях. Их мы приведём в сводной таблице 4.

Таблица 4

Лексема	Пометы, представленные в толковых словарях				
	I	II	III	IV	V
свинья	<i>разг.</i>	<i>разг., перен., грубо</i>	<i>разг., перен., презрит., бран.</i>	-	-
крыса	<i>разг., пренебр.</i>	<i>перен., неод.</i>	<i>перен., презрит., устар</i>	<i>презр.</i>	<i>иронич.</i>
скотина	<i>прост., презр.</i>	<i>прост., бран., перен., муж. и жен.,</i>	<i>простореч. бран., вульг.</i>	-	-
крысятничество	-	-	-	<i>неодобр. шк.</i>	<i>уг.</i>
тварь	<i>прост.</i>	<i>прост., презр.</i>	<i>бран., презр. разг., фам., вульг.</i>	-	-

Даже на примере только этих зоометафор-инвектив можем сделать несколько выводов:

1. Представленные в словарях пометы, характеризующие инвективную лексику, зачастую не дают точного представления о степени выраженности инвективных сем в той или иной лексеме;

2. Некоторые пометы в разных словарях носят неоднозначный характер: есть пометы, которые встречаются у одного и того же слова в нескольких словарях (*разг., перен.* и пр.), а есть те, которые присутствуют только в одном из словарей (*иронич., уг., вульг.* и др.);

3. Наиболее развёрнуто пометы представлены в толковом словаре Д.Н. Ушакова (III);

4. Не все словари отмечают последние тенденции употребления инвективных слов (*крысятничество*).

Всё это позволяет в очередной раз сделать вывод о том, что толковые словари не способны в полной мере дать однозначный ответ о наличии или отсутствии оскорбительных интенций говорящего в случае употребления той или иной зоометафоры-инвективы. Индексы инвективности, характеризующие зоометафоры, являются более конкретным показателем наличия в слове инвективных сем и степени осознанности этого слова как оскорбительного у носителей языка. Проанализируем теперь различия индекса инвективности у представителей разного возраста.

Таблица 5

Лексемы	До 17 лет	18-21	22-35	Среднее (эталонное) значение индекса инвективности
уж	2,916666667	4,072463768	2,52	3,575471698
угорь	5,666667	4,814286	2,8	4,439252
анаконда	8,25	4,69565217	3,44	4,80188679
подсадная утка	6,363636364	6,328571429	4,166666667	5,838095238
кобра	6,083333	5,681159	4,916667	5,552381
змея	4	5,88235294	5,4	5,55238095
гиена	7,416667	5,970588	5,791667	6,096154
гадюка	7,083333	7,214286	6,32	6,990654
гад	6,416667	6,614286	6,333333	6,528302
свинья	7,416667	7,985714	6,6	7,598131
крыса	8,416666667	8,271428571	7,08	8,009345794
гадина	6,333333	7,121212	7,26087	7,059406
крысятничество	8,666666667	9,873015873	8,304347826	9,357142857
скотина	9,166666667	8,8358209	8,33333333	8,75728155
шакал	5,58333333	7,47619048	8,45833333	7,48484848
тварь	8,833333333	10,94117647	9,36	10,32380952

Наиболее оскорбительным для представителей самого младшего возраста словом стала лексема *скотина*, для двух других возрастных групп – *тварь*. Примечательно, что в этой же возрастной группе зоометафора *анаконда* воспринимается в ряду самых оскорбительных слов, а вот для представителей двух других групп – наоборот – как одна из наименее оскорбительных. Обратную картину наблюдаем в отношении лексемы *шакал*: для респондентов

младшего возраста она входит в «тройку» наименее оскорбительных инвектив, а вот для людей 18-21 года и 22-35 лет – это уже ругательство с одним из наибольших индексов инвективности. И только одна лексема для представителей всех возрастов занимает идентичную позицию: это слово с наименьшим индексом инвективности – лексема *уж*. Даже такое первичное наблюдение над инвективами в различных возрастных группах позволяет сделать вывод, согласно которому у представителей разного возраста есть свои особенности восприятия инвективных лексем, но при этом часть лексем находятся в отношениях взаимной корреляции и имеют соотносимые показатели индекса инвективности.

В следующей таблице мы представили значения индексов инвективности у представителей различных социальных групп, которые стали участниками нашего лингвистического эксперимента.

Таблица 6

Лексемы	Социальная группа				
	Школьник и	Студенты	Рабочие группы «человек- человек»	Рабочие группы «человек - техника»	Рабочие группы «человек- знаковая система»
уж	2,125	4,014492754	2,421052632	3,25	3,75
угорь	3,625	5,115942029	2,842105	4,25	2
анаконда	5,625	5,294117647	2,57894737	8,5	3,75
змея	4,375	5,626865672	4,63157895	7,75	6,75
кобра	4,5	5,941176471	3,555556	7,75	7,75
подсадная утка	7,57142857 1	5,956521739	4,263157895	6,666666 667	4,75
гиена	5,625	6,23880597	5,210526	6	7,5
гад	5,375	6,869565217	4,166667	5,75	10,5
гадюка	6,125	7,31884058	5,157895	5,75	9
гадина	5,5	7,606060606	4,705882	6	9,75
шакал	6,5	7,1875	7,11764706	10	11
свинья	7,5	7,52173913	6,736842	6,75	9,75
крыса	8,25	7,869565217	7,368421053	6,5	10,75
скотина	9	9	6,55555556	9,25	10,75
крысятничество	8,375	9,75	7,466666667	4,25	14,5
тварь	8,25	10,86567164	8,105263158	9	13,75

В различных социальных группах обнаруживаются лексемы, которые имеют соотносимые значения индекса инвективности (*уж, угорь, гиена, крыса, крысятничество, свинья*), а также те, которые для представителей разных социальных групп имеют разительно отличающиеся значения индекса инвективности: например, *змея* для школьников – одна из наименее оскорбительных лексем, а вот для рабочих группы «человек-техника» она входит в «пятерку» наиболее сильных оскорблений. Схожая ситуация – с лексемой *шакал*: школьники и студенты воспринимают её как инвективу, занимающую срединное положение в данном ряду инвектив, а вот у представителей технических профессий это самая оскорбительная лексема в данной группе. Лидерами по оскорбительности являются следующие слова: *скотина* (школьники), *тварь* (студенты и рабочие группы «человек-человек»), *шакал* (представители технических профессий) и *крысятничество* (работники группы «человек-знаковая система»). Таким образом, значение индекса инвективности зависит от социального статуса человека: представители разных социальных групп могут как сходиться в оценке степени оскорбительности слова, так и по-разному трактовать степень оскорбительности.

Продолжая комплексное исследование зависимостей индекса инвективности от различных социальных признаков, мы решили проверить, существует ли взаимосвязь между значением индекса и местом проживания человека. Для этого мы сравнили показатели индекса инвективности в группах респондентов из числа жителей двух городов – Белгорода и Старого Оскола – и одного муниципального образования – Белгородского района (без учёта жителей Белгорода).

Таблица 7

Лексемы	Белгород	Старый Оскол	Белгородский район	Среднее (эталонное) значение индекса инвективности
уж	3,571428571	3,755555556	3,696969697	3,575471698
угорь	4,428571429	4,722222222	4,712121212	4,439252
анаконда	4,875	5,056179775	5,015384615	4,80188679
змея	5,563106796	5,454545455	5,875	5,55238095
кобра	5,563106796	5,636363636	5,828125	5,552381
подсадная утка	5,796116505	5,931818182	6,107692308	5,838095238
гиена	6,019607843	6,16091954	5,921875	6,096154
гад	6,509615385	6,247191011	6,461538462	6,528302
гадюка	6,961904762	6,744444444	6,939393939	6,990654
гадина	7,070707071	6,678571429	6,770491803	7,059406
шакал	7,448979592	7,313253012	7,548387097	7,48484848
свинья	7,542857143	7,477777778	7,53030303	7,598131
крыса	7,971428571	7,888888889	8,303030303	8,009345794
скотина	8,752475248	8,709302326	8,682539683	8,75728155
крысятничество	9,302083333	8,963414634	9,183333333	9,357142857
тварь	10,30097087	10,07954545	10,109375	10,32380952

Как показали результаты, значения индексов инвективности представленных слов оказались во многом соотносимыми и лишь в нескольких случаях наблюдались неполные совпадения, однако даже в этом случае корреляция была практически полной. Данный факт может свидетельствовать о том, что значение индекса инвективности в пределах одного региона может совпадать, а оценить, зависит ли этот показатель от места жительства носителей языка, можно лишь при сопоставлении данных, полученных в удалённых друг от друга регионах. На данный момент подобное сопоставление не входило в наши исследовательские планы. Совпадение же рядов слов в различных муниципальных образованиях позволяет сделать другой немаловажный для нашего исследования вывод: жители одного региона в целом воспринимают степень оскорбительности тех или иных лексем достаточно однозначно, что может служить хорошей основой для включения среднего значения индекса в судебную практику.

Ещё одним значимым параметром для нашего исследования было место рождения и проживания респондентов – город или сельская местность.

Таблица 8

Лексемы	Жители сельской местности	Городские жители	Среднее (эталонное) значение индекса инвективности
уж	2,666666667	3,720430108	3,575471698
угорь	4,5833333	4,419354839	4,439252
анаконда	4,75	4,858695652	4,80188679
змея	6,166666667	5,43956044	5,55238095
кобра	5,3333333	5,582417582	5,552381
подсадная утка	6,833333333	5,725274725	5,838095238
гиена	5,416667	6,044444444	6,096154
гад	6,909091	6,451612903	6,528302
гадюка	7,25	6,849462366	6,990654
гадина	5,545455	7,204545455	7,059406
шакал	8,5	7,302325581	7,48484848
свинья	7,166667	7,677419355	7,598131
крыса	6,666666667	8,258064516	8,009345794
скотина	8,63636364	8,722222222	8,75728155
крысятничество	9,916666667	9,261904762	9,357142857
тварь	9,75	10,34065934	10,32380952

Предполагая значимость этого параметра, мы руководствовались гипотезой, согласно которой языковая урбанистическая культура и обыденная языковая культура жителей сельской местности отличаются друг от друга. Но, как показали результаты, в целом для нашего региона не выявлено разительных отличий в восприятии инвективных зоометафорических лексем лексико-семантической группы «Подлость» для респондентов из городской и сельской среды. Полное совпадение в градационном ряду стоит отметить у следующих лексем: *уж*, *угорь*, *анаконда*, *скотина*. Другие лексемы имеют расхождения от 1 до 3 позиций, и только у инвективы *крыса* обнаруживаются различия в восприятии респондентами рассматриваемых групп: для жителей города эта лексема имеет один из наибольших индексов инвективности (занимает четвёртую позицию), а для представителей сельской местности инвективные семы у этой лексемы уже не так ярко выражены (она расположена на 9-й

позиции в данной группе). Если же брать в целом пять слов с наибольшим индексом инвективности, то для жителей города эта последовательность оказалась следующей: *свинья, крыса, скотина, крысятничество и тварь*, а для жителей сельской местности перечень представлен зоометафорами: *гадюка, шакал, скотина, тварь, крысятничество*. Таким образом, можно говорить, что в целом отличия в значении индекса инвективности среди жителей сельской и городской местности незначительны, но они имеют место, а значит, этот параметр также следует учитывать, когда речь идёт о восприятии инвективных зоометафор.

Таким образом, в своей работе мы представили значения индексов инвективности 16 лексем, входящих в лексико-семантическую группу «Подлость», по 5 параметрам: пол, возраст, социальный статус, место проживания, а также привели некоторые теоретические выкладки относительно применения подобных лингвистических экспериментов в юрислингвистической практике.

Подводя общие итоги исследования индекса инвективности зоометафор-инвектив, можем заключить следующее:

1. Полученные нами результаты отражают не только (и не столько) усреднённый индекс инвективности каждой зоометафоры, сколько реализацию этого индекса в конкретной речевой ситуации. Соответственно, лингвисту-эксперту после доказательства реализованного в той или иной ситуации инвективного значения необходимо «подкрепить» его числовым индексом, который характеризует данное значение.

2. Сравнение индекса инвективности по различным параметрам ещё раз подтвердило тезис, выдвинутый Н.Д. Голевым: «в разных контекстах и ситуациях, по отношению к разным лицам и в употреблении разных лиц одно и то же слово на шкале инвективности достаточно легко меняет своё место» [3];

3. Частные выводы, касающиеся сравнения индексов инвективности, нами приведены в тексте статьи, что же касается общего вывода, то

практический «выход» такого исследования очевиден: полученные данные дают возможность говорить о том, насколько сами говорящие осознают степень оскорбительности (инвективности) той или иной лексемы, а значит, насколько сознательно другие могут оперировать этими лексемами в коммуникативной ситуации. Представление и «ощущение» степени инвективности респондентами позволяет говорить о том, что они могут в полной мере нести ответственность за употребление соответствующих лексем в коммуникативных актах.

Список литературы

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. 416 с.
2. Голев Н.Д. Юридический аспект языка в юридическом освещении // Юрислингвистика-1: Проблемы и перспективы. Барнаул, 1999. С. 11-58.
3. Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема//Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 8-40. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/golev-00.htm>
4. Доронина Н.И. Зоометафоры на шкале инвективности // Картина мира: язык, литература, культура: сборник научных статей. Вып. 3. Бийск: БПГУ им. В. М. Шукшина, 2008. С. 16-23.
5. Складаревская Г.Н. Метафора в системе языка. Спб., 1993. 152 с.
6. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001. 238 с. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm>
7. Шарифуллин Б.Я. Инвектива: лингвистика vs. юриспруденция, или лингвистика atque юриспруденция/Б.Я. Шарифуллин//Вестник Красноярского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». Красноярск, 2000. № 2. С. 93-96.

References

1. Vezhbitskaya A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie*. M., 1996. 416 p.
2. Golev N.D. *Yurilingvistika-1: Problemy i perspektivy*. Barnaul, 1999. pp. 11-58.
3. Golev N.D. *Yurilingvistika-2. Russkiy yazyk v ego estestvennom i yuridicheskoy bytii*. Barnaul, 2000. pp. 8-40.
<http://www.philology.ru/linguistics2/golev-00.htm>
4. Doronina N.I. *Kartina mira: yazyk, literatura, kul'tura: sbornik nauchnykh statey*. Vyp. 3. Biysk: BPGU im. V. M. Shukshina, 2008. pp. 16-23.
5. Sklyarevskaya G.N. *Metafora v sisteme yazyka*. Spb., 1993. 152 p.
6. Chudinov A.P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991-2000)*. Ekaterinburg, 2001. 238 p.
<http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm>
8. Sharifullin B.Ya. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki»*. Krasnoyarsk, 2000. № 2. pp. 93-96.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Маслов Андрей Сергеевич, аспирант

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия*

maslov-as1@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Maslov Andrey Sergeevich, graduate student

*Belgorod State National Research University
ul. Pobedy, 85, Belgorod, 308015, Russia*

maslov-as1@yandex.ru